

УДК 165.0

Истина как гносеологическое имя сущего

Чернякова Наталия Степановна

Доктор философских наук, профессор,
кафедра этнокультурологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
198097, Российская Федерация, Санкт-Петербург, пр. Стачек, 30;
e-mail: Cherns2011@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется смысл постмодернистской идеи «множества истин» и атрибуты истинности как свойства идеальных образов сознания. По мнению автора, все, что характеризует истинность мышления, связано только и исключительно с явленностью сущего в мышлении. Поэтому все истинные суждения тождественны в своей истинности, а у истинности нет ни сопутствующих или дополнительных определений, ни степеней. Истинность утверждаемого не зависит ни от степени общности того сущего, которое в суждении открывается, ни от времени и места существования объекта познания. Рациональный смысл идеи «множества истин» связан со спецификой познания идеально сущего и особенностями интерпретации смыслового содержания духовных продуктов / текстов культуры. Идеально сущее отличается от материально сущего тем, что может быть познано исключительно в результате интерпретации своих материальных носителей. Неисчерпаемость смысла духовного продукта превращает любую его интерпретацию в онтологически неопровержимую.

Для цитирования в научных исследованиях

Чернякова Н.С. Истина как гносеологическое имя сущего // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 15-22.

Ключевые слова

Истина; истинность; сущее; гносеология; постмодернизм.

Введение

Идея «множества истин», ставшая *idea fixa* постмодернизма, требует специального анализа, поскольку несет в себе возможность неверного понимания истины как фундаментальной категории мышления.

Содержание данной статьи продиктовано стремлением ответить на два вопроса: есть ли рациональный смысл в идее «множества истин» и каковы неотъемлемые черты истинности как свойства идеальных образов сознания.

Смысл идеи «множества истин»

Тезис о том, что разговор о «разных реальностях» влечет за собой вывод о «множестве истин», можно считать концентрированным выражением постмодернистского понимания гносеологических (эпистемологических) проблем [Касавин, Сокулер, 1989, 137-138].

На первый взгляд содержание идеи «множества истин» выглядит либо ничтожным, либо абсурдным. В самом деле, если речь идет о множестве объектов (природных и социальных), познаваемых множеством субъектов различных социокультурных миров и практик, то бесспорность утверждения о том, что результатом этой многообразной познавательной деятельности становится множество истинных утверждений, может соперничать только с его тривиальностью. Если же допустить, что за рассуждениями о количестве социокультурных миров, практик и познаваемых реальностей стоит нечто большее, чем различие между множеством объектов и результатов познания, то и тогда следует помнить, что категория «истина» в любом контексте говорит только и исключительно о соответствии содержания нашего мышления существу самому по себе.

Предположение о том, что участники постмодернистских «разговорных практик», имеющие контакт не с реальностью, а друг с другом [Рорти, 1997, 116], могут по собственному усмотрению решать вопрос об истинности тех или иных утверждений, выглядит абсурдным. Ведь если все участники разговора остаются в «своих реальностях» при «своих истинах» и не существует единой для всех истины, то это значит, что те, кто утверждает, что Волга впадает в Каспийское море, допускают в качестве истинных и любые другие утверждения, к примеру что Волга впадает в Черное море или в Тихий океан.

Но реальная история человечества свидетельствует о том, что наличие универсальной категориальной формы «истина» не зависит от уровня развития конкретных знаний отдельных субъектов культуры. То, что считается истинным в любой культуре, считается таковым только потому, что признается соответствующим реальному положению дел. А потому те, кто считал, что Земля плоская, никогда не признавали истинность утверждения о том, что Земля круглая, и не считали, что у каждого народа своя Земля. Напротив, те, кто считал, что Земля плоская, были убеждены, что так считают или должны считать все, и это их убеждение существовало до тех пор, пока они не получили убедительных свидетельств в пользу того, что Земля не плоская, а шарообразная. Но «множества истин» о том, какова форма Земли, ни у одного субъекта культуры никогда не было, хотя и были различные суждения, мнения, верования, предположения, истинность которых не подтвердилась.

Вряд ли философ любого толка и направления может предполагать наличие у разных людей различных категориальных структур мышления, следствием чего было бы наличие в каждой структуре особой категории, носящей, правда, одно и то же имя – «истина». Каков же в таком случае нетривиальный смысл идеи «множества истин»? Если учесть, что все разновидности философских исследований, объединяемые термином «постмодернизм», связаны с герменевтическим, структуралистским, деконструктивистским или иным анализом текстов [Соколов, 1996], то станет очевидно, что только по отношению к результатам интерпретации текста как материального носителя идеального содержания идея «множества истин» теряет свою абсурдность, хотя по-прежнему требует анализа.

С одной стороны, необходимо признать, что утверждение о «разных реальностях», с которыми имеют дело различные субъекты социокультурной практики, не является тривиальным, если речь идет об исследовании духовных продуктов, которые специально создаются для того, чтобы расширить смысловое пространство культуры или для того, чтобы побудить субъекта культуры к расширению этого пространства. Духовный продукт всегда выходит за пределы авторского замысла, ибо сам этот замысел является лишь поводом для размышления, интерпретации, создания собственного смысла всеми, кто осваивает этот продукт. Строго говоря, даже предполагаемая однозначность произведения искусства, литературы, философии или любого другого произведения духовной культуры может быть лишь результатом интерпретации, которая не препятствует появлению множества иных интерпретаций.

С другой стороны, следует иметь в виду, что текстологический контекст идеи «множества истин», связанный с истинностной оценкой выявленного в процессе интерпретации идеального содержания, генетически связан с традиционной для философии проблемой объектов истинностных оценок и атрибутов самой истинности.

По традиции, идущей от неокантианцев, знание часто отождествляется исключительно со знанием природной и даже вещественной, предметной реальности, в то время как знание о потребностях, состояниях, внутреннем мире субъекта не считается знанием в собственном смысле. Именно такое понимание знания лежит в основе утверждения о том, что оценочные суждения, такие как «Здесь хорошо!», не подлежат истинностной оценке, поскольку не могут быть сопоставлены с реальностью вне сознания оценивающего субъекта, в отличие от таких суждений, как, например, «Материя состоит из атомов».

Между тем знание обладает единой природой, независимо от его предметной специфики. Поэтому не только то знание, которое выражено в естественнонаучных теориях и картине мира, но и *всякое знание*, в том числе технологического, рецептурного характера или описывающее состояния самого субъекта, подлежит истинностной оценке. Поэтому если «Здесь хорошо!» – это именно суждение, то в этом суждении представлена вполне определенная реальность: состояние субъекта, совокупность его чувств и переживаний. И

в этом случае данное суждение подлежит истинностной оценке и истинно только тогда, когда сущее действительно таково, каким оно репрезентировано в этом суждении, т.е. если кому-то действительно хорошо, так как он испытывает удовольствие, находясь здесь. Эта истинностная оценка ничем не отличается по своей сути от истинностной оценки суждения «Материя состоит из атомов», которое истинно, если сущее действительно таково, что материя состоит из атомов.

Проблема сводится, таким образом, к тому, считать ли идеальное, в том числе чувства, переживания, настроения субъекта познания, сущим или нет.

Атрибуты истинности как свойства суждений о сущем

Если признать, что и идеальное, и материальное принадлежат к сфере сущего, то суждения о них в равной мере могут быть объектами истинностной оценки, а значит могут быть истинными или неистинными, выражающими или не выражающими сущее-само-по-себе. Суждения о чувствах и переживаниях человека могут отличаться от суждений о материально сущем лишь тем, что установление их истинности потребует особой (по сравнению с экспериментальной) предметно-практической деятельности, как, например, в случае удостоверения истинности утверждения пациента о боли, которую он испытывает.

В философии Нового времени сложилась устойчивая традиция иерархически упорядочивать знания о сущем по истинностному основанию и противопоставлять вечные истины преходящим, необходимые – случайным, априорные – апостериорным, аналитические – синтетическим, общие – частным, фактуальные – логическим и проч. [Лейбниц, 1983, 49-51; Чудинов, 1977, 139-165]. Однако утверждать нечто как существующее – значит признавать содержание утверждения истинным, независимо от того, каковы особенности самого сущего или познающего это сущее субъекта познания. Тот доступ к сущему, который мы имеем на уровне чувственного восприятия, всегда ограничен единичным, конечным, внешним. В чувственном восприятии нет доступа к сущности, необходимости, закономерности. Но и в мышлении нет доступа к отображению единичного. Сама по себе истинность как свойство идеальных образов сознания остается одной и той же, что бы ни было предметом суждения: цвет снега, человеческие чувства, планеты или произведения искусства.

Утверждения, обладающие свойством истинности, не могут быть иерархически упорядочены по истинностному основанию, поскольку: 1) у истинности нет ни степеней, ни сопутствующих или дополнительных определений; 2) все истинные суждения тождественны в своей истинности; 3) истинность утверждаемого не связана со степенью общности того сущего, которое в суждении открывается (истинность мышления не уменьшается и не увеличивается в зависимости от того, познается ли универсальный

закон или частный, рассматривается ли количественное соотношение или качественные характеристики, познается ли сущность объекта или описывается его внешняя сторона и т.д.); 4) истинное описание случайных черт не менее и не более истинно, чем истинное описание закономерностей: мы только тогда и знаем закономерность, когда знаем, в форме каких случайностей она существует и проявляет себя; 5) то, что считается истинным «во всех возможных мирах», признается таковым потому, что выявляет универсальные черты сущего как такового. Но то, что истинно лишь потому, что отражает черты одного-единственного, уникального и неповторимого, существующего лишь в одном из возможных миров сущего, не утрачивает ничего из своей истинности и не становится иерархически менее значимым, нежели «универсально истинное»; 6) истинность суждения не зависит от времени и места существования объекта познания: утверждение «Земля вращается вокруг Солнца» не может утратить своей истинности вместе с исчезновением Солнечной системы, ибо раскрывает устройство именно этого сущего. А когда это сущее исчезнет, то не о чем будет и говорить, хотя для некогда бывшего сущего утверждение «Земля вращалась вокруг Солнца» останется по-прежнему истинным [Чернякова, 2006, 61-72].

Поскольку поле смыслов продуктов духовной культуры потенциально бесконечно, интерпретация-распредмечивание духовного продукта как способ овладения его идеальным содержанием и достижения понимания может существенно расходиться с первоначальным замыслом, остающимся всегда под вопросом. Создавая идеальный образ самого идеального, познающая мысль должна перевоплотиться в иную мысль, сконструировать эту мысль из самой себя в процессе интерпретации, чтобы возник *эффект понимания* как совпадения мысли познающей с мыслью познаваемой. В результате процесс интерпретации-распредмечивания оказывается, по существу, созданием нового смысла.

Именно потому, что духовные продукты в принципе не имеют одного смысла, они не могут быть отображены в одной «истинной» интерпретации. Строго говоря, никакая интерпретация идеального содержания духовного продукта (произведения искусства или текста) не может быть истинной или ложной, поскольку никакая интерпретация духовного продукта не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. Любой интерпретации можно противопоставить лишь иную интерпретацию, но не эмпирические данные, которые могли бы быть результатом предметно-практического взаимодействия с познаваемым объектом – смысловым содержанием духовного продукта.

Так, истинностная оценка такого духовного продукта, как произведение искусства, определяется не соответствием его содержания материально-сущему, а соответствием этого содержания идеально-сущему – субъективному миру самого художника. Гносеологическая программа искусства не предполагает получения интересубъективного образа сущего самого по себе, а претендует только и исключительно на личностное восприятие действи-

тельности, на получение такого образа реальности, который отличается максимально возможной индивидуализацией формы восприятия и способа выражения полученной в этом образе информации о реальности. Искусство запечатлевает ощущения, переживания, чувства, эмоции, создает, по выражению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «памятники» «перцептов и аффектов» [Делез, Гваттари, 1998, 207-255]. В качестве единичного, уникального случая не только само произведение искусства как отражение мироощущения художника, но и любая его интерпретация, претендующая на выявление нового смысла, не требуют проверки на истинность потому, что их «истинность» или «ложность» в принципе не может быть ни подтверждена, ни опровергнута.

Заключение

Таким образом, рациональный смысл идеи «множества истин» связан со спецификой познания идеально сущего и особенностями интерпретации смыслового содержания духовных продуктов / текстов культуры. Идеально сущее отличается от материально сущего тем, что может быть познано исключительно в результате интерпретации своих материальных носителей. Неисчерпаемость смысла духовного продукта превращает любую его интерпретацию в онтологически неопровержимую.

Однако никакие различия в познании идеального и материального не могут изменить содержания самой категории «истина», отображающей фундаментальное соотношение мышления и познаваемого мышлением бытия. Какова бы ни была природа познаваемого сущего, вопрос об истинности того или иного утверждения в любом контексте несет в себе запрос о соответствии или несоответствии данного утверждения сущему самому по себе.

Библиография

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
2. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.
3. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
4. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. 320 с.
5. Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида. СПб., 1996. 120 с.
6. Чернякова Н.С. Содержание и смысл категории «истина». СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена. 2006. 244 с.
7. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

Truth as an epistemological name of being

Nataliya S. Chernyakova

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of ethnoculturology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
198097, 30 Stachek av., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Cherns2011@yandex.ru

Abstract

This article analyzes the meaning of the postmodern idea of truth set and the attributes of the truth as property of the ideal consciousness. According to the author of this article, everything that characterizes the truth of the thinking, is associated only and exclusively with existence of things in thinking. Therefore, all truth judgments are identical in their truth, and the truth has not spending and additional definitions or degrees. The truth of the claim does not depend on the degree of commonality of the being, which opens in the judgment, or the time and place of existence of the object of knowledge. Rational sense of the idea of truth set is associated with the specifics of knowledge of ideal being and features of the semantic interpretation of the spiritual food and culture texts. Ideal being is different from material being that can be known solely as a result of interpretation of their material carriers. The inexhaustibility of the meaning of spiritual product turns any interpretation in the ontologically irrefutable one. However, no differences in the knowledge of the ideal and the material being can change the content of the category of truth, showing the fundamental relationship of thinking and the being knowable by the thinking. Whatever the nature of the knowable things, the question of truth of any statement in any context carries a request for compliance or non-compliance of statement of this being in itself.

For citation

Chernyakova N.S. (2017) Istina kak gnoseologicheskoe imya sushchego [Truth as an epistemological name of being]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 15-22.

Keywords

Truth; truthfulness; being; epistemology; postmodernism.

References

1. Chernyakova N.S. (2006) *Soderzhanie i smysl kategorii "istina"* [The content and meaning of the category "truth"]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

2. Chudinov E.M. (1977) *Priroda nauchnoi istiny* [The nature of scientific truth]. Moscow: Politizdat Publ.
3. Delez Zh., Gvattari F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Institute of Experimental Sociology, Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
4. Kasavin I.T., Sokuler Z.A. (1989) *Ratsional'nost' v poznanii i praktike. Kriticheskii ocherk* [Rationality in knowledge and practice. Critical essay]. Moscow: Nauka Publ.
5. Leibnits G.V. (1983) *Sochineniya v 4 t. T. 2* [Works in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ.
6. Rorti R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. Sokolov B.G. (1996) *Marginal'nyi diskurs Derrida* [Marginal discourse of Derrida]. Saint Petersburg.